

О. А. НАЗАРОВА

Логический позитивизм и «Трактат» Витгенштейна

Концепция логического позитивизма, или научного эмпиризма, — одна из самых влиятельных концепций в истории философии науки. Решение сформулированных в рамках этого направления проблем, разрешение возникших в них противоречий, возникновение впоследствии новых направлений мысли, которые или развивали, или критиковали логический позитивизм, и формулировка новых проблем во многом определило облик философии XX в. Например, в обсуждении проблем истины, эмпирического базиса науки, структуры научной теории, верификации и предсказания, объяснения в науке и др. исходным пунктом становится концепция логического позитивизма.

При всей фундаментальности логического позитивизма для истории философии науки и философии XX в. в целом в отечественной философской литературе сложилось упрощенное представление о его истории и идейных истоках. Коротко его можно было бы изложить следующим образом: профессор М. Шлик и его студенты — Венский кружок — в середине 1920-х гг. прочитали «Логико-философский трактат» (1921) австрийского философа Л. Витгенштейна, в котором он опирался на логическую систему, построенную Б. Расселом и А. Уайтхедом, попали под влияние идей, высказанных в «Трактате», и стали разрабатывать их¹.

¹ Так, в работе В. С. Швырева читаем: «Специфика логического позитивизма Венского кружка состоит в соединении позитивистской философии с методом формально-логического анализа знания. <...> Этим логический позитивизм *в наибольшей мере* (курсив мой. — О. Н.) обязан идеям “Логико-философского трактата” Л. Витгенштейна» (Швырев В. С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М.: Наука, 1966. С. 9). Первая глава в этой работе имеет заглавие «Доктрина Рассела — Витгенштейна — основа воззрений Венского кружка».

Сегодня можно сказать, что на самом деле история Венского кружка и научного эмпиризма — это другая история, гораздо более сложная и интересная², и вопрос о влиянии Витгенштейна

М. С. Козлова пишет: «“Логико-философский трактат” <...> в 1921 г. был опубликован на немецком языке, в 1922 г. в Лондоне <...> с параллельными немецко-английскими текстами и предисловием Рассела. Выход труда вызвал широкую дискуссию. <...> Разработку идей “Трактата”, истолкованных в позитивистском ключе, взяли на себя философы Венского кружка. Витгенштейн отнесся к этому безучастно. <...> В 1927 г. <...> он иногда встречался с членами Венского кружка. Беседы с ними выявили заметное расхождение их взглядов с концепцией Витгенштейна, которого они считали своим *идейным вдохновителем* (курсив мой. — О. Н.), единомышленником» (Козлова М. С. Философские искания Л. Витгенштейна // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. X–XI). О влиянии Витгенштейна на логический позитивизм см. также: Козлова М. С. Философия и язык. М., 1972.

А. Л. Никифоров увлекательно и эмоционально развивает эту же версию: «С изучения именно этой тоненькой (меньше 100 страниц) книжки Витгенштейна и начали (курсив мой. — О. Н.) свои философские штудии члены Венского кружка. Она произвела на них завораживающее впечатление» (Никифоров А. Л. Философия науки: История и теория. М.: Идея-Пресс, 1998; 2-е изд. 2006. С. 14–17).

Ср. также: «Афоризмы Витгенштейна оказали наибольшее влияние на «антиметафизическую» программу неопозитивистов Венского кружка, которые *постарались превратить «Трактат» в настоящую библию своего движения* (курсив мой. — О. Н.)»; «Логико-философский трактат» стал рассматриваться членами Венского кружка в качестве главного, программного текста» (Грязнов А. Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. С. 130, 132, 137).

² См.: Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М.: Идея-Пресс, 2004; Назарова О. А. От второго позитивизма к третьему // Крафт В. Венский кружок... С. 7–33; Журнал «Erkenntnis» («Познание»). М.: Идея-Пресс; Издательский дом «Территория будущего», 2007; Назарова О. А. Предисловие; Приложение: Биографии и библиографии, см.: Журнал «Erkenntnis»... С. 7–54, 343–468; Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Манифест «О научном миропонимании. Венский кружок» // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). С. 57–75; Карнап Р. Логическое построение мира. (фрагменты) // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). С. 75–95; Гемпель К. Г. Логика объяснения / Пер. с англ., предисл., прилож. Назаровой О. А. М.: ДИК; РФО, 1998; Рассел Б. Исследование значения и истины. М.: ДИК, Идея-Пресс, 1999; Пан А. Семантика и необходимая истина: Исследование оснований аналитической философии. М.: Идея-Пресс, 2002; Аналитическая философия: Становление и развитие. Антология. М.: ДИК; Прогресс-Традиция, 1998; Кюнз Г. Онтология и логический анализ языка. М.: ДИК, 1999; Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, 2000; Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002; Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-Пресс, Праксис, 2001.

на на Венский кружок, которое лишь констатируется, требует специального изучения.

* * *

Философское направление, о котором идет речь в данной статье, называлось в отечественной и мировой философской литературе по-разному — «логический позитивизм», «логический эмпиризм», «неопозитивизм», «научный эмпиризм», «научная философия», «Движение за единство науки», «логика науки», «философия науки», «наука о науке», «аналитическая философия». К этому направлению принадлежат известные объединения (Венский кружок, Берлинское общество, Львовско-Варшавская школа) и известные мыслители Б. Рассел, М. Шлик, Р. Карнап, Г. Рейхенбах, Л. Витгенштейн, А. Тарский, их единомышленники, последователи и ученики — Ч. Моррис, А. Айер, У. Куайн и др.

Я предлагаю следующую схему соподчинения этих названий: в конце XIX — начале XX вв. в Европе (Австрия, Англия, Франция, Германия, Италия, Швеция, Польша) возникло *движение за научную философию* как «восстание» против умозрительных метафизических спекуляций и как попытка осмыслить новейшие достижения в области естествознания. Первая мировая война, а также различия во мнениях исследователей разных стран относительно значимости естественнонаучных открытий, затруднили, но не остановили развитие этого движения. По окончании войны движение за научную философию вновь набрало силу. Его центрами стали Австрия (Вена), Германия (Берлин) и Польша. К 1928 г. в Вене закончилось формирование первой в Европе *концепции научного миропонимания*, появляется Венский кружок. Венский кружок избрал логику в качестве основного инструмента борьбы с метафизикой и создания научной философии. Термин «*логический позитивизм*» как характеристика концепции Венского кружка принадлежит Г. Фейглу и был впервые использован им в статье (1931)³, написанной в соавторстве с А. Блумбергом, для ознакомления интеллектуальной общественности США с новым направлением европейской мысли. Однако уже к середине 1930-х гг. многие члены Венского кружка предпочитали термины «логический эмпиризм» или «научный эмпиризм»⁴. *Логический*

³ Blumberg A. E., Feigl H. Logical Positivism // Journal of Philosophy, # 28, 1931, P. 281–296.

⁴ Carnap R. Scientific Empiricism; Unity of Science Movement // The Dictionary of Philosophy. Dagobert D. Runes (ed.). New York, 1942. Относительно развития и целей этого движения см., в частности: Reichenbach H. Ziele und

эмпиризм представлял, в первую очередь, *воззрения членов Венского кружка*, но объединить на его основе сторонников научной философии по всей Европе было трудно. Общеввропейское объединение стало возможно благодаря выработке концепции *научного эмпиризма*, в центре которой были *идеи единой науки и международного сотрудничества* и проект «Энциклопедия единой науки»⁵.

Итак, движение за научную философию — единое в интеллектуальном плане, но не оформленное в организационном плане — существовало в Европе с начала XX в.; основные его представители, развивая собственные идеи, общались друг с другом лично или в письмах, словом, были знакомы с идеями своих сторонников в других странах. В каждой стране названия научного стиля мышления отличались — Венский кружок и логический позитивизм, Берлинское общество эмпирической философии, Львовско-Варшавская логическая школа, Кембриджская аналитическая школа, Упсальская школа и правовой реализм. Однако исследователи считали себя единомышленниками и в 1930-е гг. благодаря организационным усилиям Венского кружка стали регулярно встречаться на Международных конгрессах за единство философии (1935–1941) и разрабатывать совместные проекты. Эта деятельность продолжилась и после вынужденной эмиграции многих членов движения из Европы в США. <...>

В 1924–1925 гг. Курт Рейдемайстер сделал доклад о «Логико-философском трактате» Витгенштейна, чем привлек внимание Гана к этой работе. Изначально Ган (и не он один) проигнорировал (об этом свидетельствует и К. Менгер) «Трактат», опубликованный на немецком языке в 1921 г. Действительно, автором книги был сельский учитель, полтора года проучившийся философии в Кембридже⁶. Как вспоминает Фейгль, «так случилось, что

Wege der heutigen Naturphilosophie. Leipzig, 1931; Stevens S. S. Psychology and the Science of Science // Psych. Bull., 1939, № 36 (с библиогр.).

⁵ Ранее принятое название — «Энциклопедия унифицированной науки».

⁶ Профессионалом Витгенштейн стал, пожалуй, только в технике: он изучал механику в Высшей технической школе Берлина, потом в 1908–1911 гг. специализировался как исследователь-конструктор в техническом университете Манчестера (Англия). В начале 1912 г. он отправился в Кембридж и стал студентом Тринити-колледжа. Через полтора года Витгенштейн прервал свое обучение на год (1913–1914) и уехал в Норвегию, потом ушел на фронт и написал «Трактат». Прочитав предисловие Рассела к «Трактату», Витгенштейн решил, что его труд никто не понял, и забросил философию на 9 лет. Потом опять вернулся в Кембридж с совершенно новыми идеями. Такая свобода передвижений Витгенштейна, полагаю, стала возможной, прежде всего, благодаря его аристократическому происхождению и богат-

в 1922 г. я читал эту работу в Национальной библиотеке Вены. Должен признаться, что, хотя на меня произвело сильное впечатление то, что мне удалось понять в этой афористичной и таинственной (*cryptic*) работе, я вскоре перестал о ней думать, посчитав ее продуктом эксцентричного, хотя и несомненно блестящего, ума». В одном из своих интервью Фейгль уточняет: «В то время я был очень молодым студентом и перестал думать о Витгенштейне, увидев в нем занятнейшую смесь интуитивного гения и шизофреника»⁷.

Однако в 1922 г. книга под названием «*Tractatus Logico-Philosophicus*» вышла в свет в переводе на английский язык и с предисловием Рассела — несомненного авторитета для участников семинара Шлика.

После доклада Рейдемайстера Ган представил обзор «Трактата» Витгенштейна как наиболее важного вклада в философию и логику со времени Рассела, как фундаментального текста, объясняющего роль логики. Участники семинара Шлика, наиболее активными среди которых были Ган, Шлик, Нейрат и Рейдемайстер, читали и обсуждали «Трактат» («*Logisch-Philosophische Abhandlung*») Витгенштейна по-немецки.

Летом 1924 г. Рейхенбах передал Карнапу предложение Шлика работать в Вене. В то время Шлик и Ган обсуждали обе эти кандидатуры на место приват-доцента по философии. Рейхенбах и Карнап — молодые, талантливые, продуктивные ученые — получили примерно одинаковое образование в области математики, физики, логики и эпистемологии. Оба имели особый интерес к философии пространства, времени и понятию относительности⁸. Карнап, будучи студентом Фреге в Универси-

ству, что делало его, в частности, (вообще заметным и) близким мыслителю-аристократу Б. Расселу.

⁷ *Feigl H.* Unveroeffentliches Interview. Materialien Mulder. Vienna Circle Foundation / Wiener-Kreis-Archiv Haarlem (NL), 1964, V. I.

⁸ *Carnap R.* Der Raum. Ein Beitrag zur Wissenschaftslehre (his Ph.D. thesis) // Kant-Studien. Ergänzungshefte. no. 56. Berlin, 1922; Dreidimensionalität des Raumes und Kausalität: Eine Untersuchung über den logischen Zusammenhang zweier Fiktionen // Annalen der Philosophie und philosophischen Kritik, 1924. S. 105–130; Physikalische Begriffsbildung. Karlsruhe: Braun, 1926; *Reichenbach H.* Die Einsteinsche Raumlehre // Die Umschau. Bd. 24. 1920. S. 402–405; La signification philosophique de la théorie de la relativité // Revue Philosophique de la France et de l'Étranger, V. 94, 1922. P. 5–61; Axiomatik der relativistischen Raum-Zeit-Lehre. Braunschweig: Vieweg, 1924; Metaphysik und Naturwissenschaft // Symposion. 1925. V. 1. S. 158–176; Wahrscheinlichkeitsgesetze und Kausalgesetze // Die Umschau. Bd. 29. 1925. S. 789–792.

тете Йены, в особенности интересовался формально-логическими проблемами и методами, в то время как Рейхенбах занимался больше философией физики (в некоторых своих ранних работах он исследовал и теорию вероятности, в которую позже оба — Рейхенбах и Карнап — сделали существенный вклад).

Решающую роль в том, что Карнап получил место в Венском университете, сыграл Ган, поскольку он был уверен, что тот сможет развить эпистемологическую программу Рассела, представленную, например в «Нашем познании внешнего мира», и Маха. Действительно, в 1925 г. некоторые из участников семинара в Вене читали большую рукопись Карнапа, которая тогда называлась «Konstitutionssystem der Begriffe» («Система конструирования [эмпирических] понятий»). В этой выдающейся работе, опубликованной в 1928 г. под заглавием, которое предложил Шлик — «Логическое построение мира», — Карнап предпринял попытку логической реконструкции понятий эмпирического знания⁹. Логическая форма этой реконструкции, по сути, представляла собой символическую логику Рассела — Уайтхеда. В «Principia Mathematica» Рассел и Уайтхед попытались показать, что все понятия чистой математики могут быть введены посредством последовательных определений на основе понятий модернизированной логики. Карнап сходным образом предпринял попытку конструирования системы основных научных понятий посредством установления логических взаимосвязей между маховскими «элементами», т. е. элементами, принадлежащими непосредственному опыту. Это было реальное воплоще-

⁹ См. обзор этого замысла в виде оглавления и введения к «Логическому построению мира» в кн.: Журнал «Erkenntnis» («Познание»): «В отношении своих методов настоящее конструктивное исследование отличается, главным образом, тем, что в нем предпринята попытка соединить два научных направления, которые до сих пор развивались отдельно друг от друга. С представленной здесь точки зрения только их объединение дает возможность сделать значительный шаг вперед в развитии науки. Рассел и Уайтхед построили логику (символическую логику) таким образом, что теперь у нас имеется теория отношений, которая позволяет рассмотреть почти все проблемы чистого учения о порядке. С другой стороны, в новейшее время был поставлен и отчасти разрешен вопрос о сведении «реальности» к «чувственно данному» Авенариусом, Махом, Пуанкаре, Кюльпе и, прежде всего, Циеном (Ziehen) и Дришем (упомянув только некоторые имена). Теперь эту теорию отношений нужно применить для анализа реальности, с тем чтобы представить логическую формулировку конструкционной системы понятий. Нужно более четко задать базис этой системы и попытаться с помощью имеющихся логических форм построить систему понятий на этом базисе (хотя бы только в общих чертах)» (Там же. С. 84–85).

ние исходных установок маховского позитивизма и блестящее применение средств современной логики к некоторым давним проблемам эпистемологии. Отметим также, что в 1926 г. в Карлсруэ Карнап опубликовал книгу «*Physikalische Begriffsbildung*» («Построение физикалистских понятий»).

Таким образом, члены Шликовского семинара практически одновременно — в начале 1925 г. — познакомились с «Логическим построением мира» Карнапа и «Логико-философским трактатом» Витгенштейна.

По словам Нейрата, с помощью Карнапа был сделан *главный шаг* во внутреннем развитии Венского кружка: он однозначно поместил в центр концепции научного миропонимания проблему научного языка и представил современную логику как основной инструмент этой концепции. Книга Карнапа «Логическое построение мира» активно и подробно обсуждалась членами Венского кружка с 1926 по 1928 г., что получило отражение в первом томе журнала «*Erkenntnis*» («Познание»).

Во время первого года своей работы в Вене (1926 г.) Карнап настоял на систематическом изучении «Трактата» Витгенштейна. Он и руководил этими вторыми чтениями¹⁰. Карнап сообщает: «В Венском кружке значительная часть книги Л. Витгенштейна “*Tractatus Logico-Philosophicus*” читалась вслух и обсуждалась предложение за предложением. Часто требовались долгие размышления, для того чтобы понять, что же имелось в виду. Подчас мы не находили никакой ясной интерпретации. И все же мы многое поняли в этой книге и живо обсуждали то, что поняли»¹¹. «Эта работа, — свидетельствует Нейрат, — помогла открыть отсутствие смысла в метафизических высказываниях. С одной стороны, “Трактат” вводил определенного рода метафизику или даже теологию, с другой — он опирался на традиции, придававшие особенную важность анализу языка для критики философии. Венский кружок приложил немало усилий, для

¹⁰ Menger K. Introduction // Hahn H. Empirism, Logic, and Mathematics. Philosophical Papers / Brian F. McGuinness (ed.). Dordrecht: Reidel Publishing Company, 1980. P. IX–XVIII. Были предприняты попытки установить контакты с квази-мистическим автором (посредством писем с конца 1924 г. и личных контактов с начала 1927 г.). «Однако сам Шлик после их первой встречи в 1927 г. рассказывал о своем впечатлении в следующих словах: “Каждый из нас подумал, что другой, должно быть, сумасшедший”» (Engelmann P. Letters from Ludwig Wittgenstein, with a Memoir. trans. L. Furtmueller, ed. with an appendix by B. F. McGuinness. Oxford: Basil Blackwell, 1967. P. 118).

¹¹ The Philosophy of Rudolf Carnap / Schilpp P. A. (ed.). La Salle, Ill., 1963. P. 24.

того чтобы извлечь логическое ядро из “Трактата”, столь высоко оцененного Расселом, чтобы вынуть его из метафизического конверта. Непосредственным результатом стали весьма ценные идеи, в частности — что логику нужно рассматривать как синтаксис языка. Логика и математика создают аналитические высказывания, “тавтологии”, необходимые в науке для преобразования предложений о реальности. Невозможно было избежать возражений, высказанных в Венском кружке против метафизики Витгенштейна; многие из его тезисов не встретили всеобщего одобрения, но вместе с тем никто не отказывался от анализа вопросов вроде “Как отличить ‘философские’ высказывания, ‘логические’ высказывания и ‘научные высказывания о реальности’”? <...>... Сам Витгенштейн отбросил “высказывания о высказываниях”, поместив их в промежуточную область “поясняющих указаний”, просто выражаемых, или как не имеющих смысла; внутреннее изучение, более глубокое, проведенное участниками Кружка включило и “высказывания о высказываниях” в язык науки. Стало ясно, что логика и наука о реальности представляют собой систему правильно построенных, осмысленных предложений определенной формы. Таким образом мы получили *последний элемент* (курсив мой. — О. Н.), отсутствующий в логическом эмпиризме, который мог теперь стать четко сформулированной эмпиристской концепцией. Больше не было предубеждений против логики»¹².

Таким образом, «Трактат» Витгенштейна не стал для Венского кружка ни главным или программным текстом, ни тем более библией. К моменту знакомства с «Трактатом» концепция научного миропонимания была уже практически сформулирована, уже существовал набросок «Логического построения мира», т. е. была реализована в общих чертах программа Маха — Рассела. Афоризмы «Трактата» были обременены неприемлемыми для кружковцев метафизикой и мистикой. Можно, пожалуй, говорить лишь о том, члены шликеровского кружка нашли в нем яркое и резкое выражение некоторых собственных идей или же «интуитивные озарения», которые были переработаны ими для целей собственной научной концепции; в частности: 1) критика традиционной философии¹³ была доведена Витгенштейном

¹² Neurath O. Le developement du Cercle de Vienne et l'avenir de l'empirisme logique // Actualites scientifiques et industrielles, No 290. Paris, 1935.

¹³ См.: Карнап Р. Логическое построение мира // Журнал «Erkenntnis» («Познание»): «Как только начинают предъявлять к философии требование научной строгости, так с необходимостью приходят к выводу о том, что нужно исключить метафизику из философской области, ибо ее утвержде-

до высказывания о том, что в метафизических высказываниях отсутствует смысл; 2) мысль о новой задаче философии, которая виделась Витгенштейну¹⁴ в «логическом прояснении мыслей», предложений, а Карнапу — в логическом анализе языка; 3) мысль о прямой связи структуры языка со структурой реальности, которую принял Шлик и отвергли Карнап и Нейрат; 4) мысль о существовании «высказываний о высказываниях»; 5) идея о том, что «предложения логики суть тавтологии»¹⁵, решившая вечную проблему эмпиризма. Шлик впоследствии истолкует их как *правила* преобразования научных предложений. Считалось, что эта идея принадлежит именно Витгенштейну и что именно она оказала решающее влияние на формирование концепции Венского кружка. Но К. Менгер, присоединившийся к Венскому кружку в 1927 г., исследовал и другой подход к тавтологиям, вне таблиц истинности, предложенных Витгенштейном, а именно введение логиком Эмилем Л. Постом тавтологий и противоречий посредством позитивных и негативных функций в рамках пропозиционального исчисления Фреге. Студентом Фреге был и Карнап, а значит, этот подход к тавтологиям был известен

ния не допускают рационального обоснования. Каждое научное положение должно быть рационально обосновано. Однако это не означает, что научные идеи возникают благодаря рациональному рассуждению. Важнейшие принципы и новые пути исследования открываются не размышлением, а чувством, интуицией, талантом. Это верно не только для философии, но и для самых строгих наук — для математики и физики. Но решающим является следующее: для обоснования своих положений физик обращается не к иррациональным вещам, а к эмпирико-рациональным аргументам» (С. 77).

¹⁴ См. мнение Макса Блэка, высказанное на страницах журнала «Erkenntnis»: «Логический позитивизм обязан (в особенности, благодаря посредничеству Витгенштейна) в большей мере, чем это признается, влиянию Дж. Мура в пропагандировании философского стиля, который может быть сформулирован как убеждение в том, что “все, что может быть сказано, может быть сказано просто и ясно в любом цивилизованном языке или с помощью подходящего символического языка, и что словесная неясность практически всегда есть признак неясности мыслей”» (*Black M. Relations between Logical Positivism and the Cambridge School of Analysis // Erkenntnis. Bd. 8. 1939–1940. S. 24–36; цит. по: Broad C. D. Critical and Speculative Philosophy // Contemporary British Philosophy: Personal Statements (First Series), ed. J. H. Muirhead. London: G. Allen and Unwin, 1924. P. 81. Ср.: «Все, что вообще мыслимо, можно мыслить ясно. Все, что поддается высказыванию, может быть высказано ясно» (Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 4.116 // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / Пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 25).*

¹⁵ *Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 6.1 // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. Пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994.*

и ему. Иными словами, эта идея уже существовала, обсуждалась, и члены Венского кружка пусть иным путем, но пришли бы к этой необходимой для их концепции идее.

Итак, чтение и обсуждение «Трактата» Витгенштейна, состоявшееся, в основном, благодаря рекомендации Рассела, послужило интересным материалом для более четкой формулировки как индивидуальных точек зрения, так и общей «платформы» Венского кружка, но в целом «Трактат» Витгенштейна не оказал влияния на миропонимание и деятельность его участников. Более того, на мой взгляд, именно анализ афоризмов «Трактата», проделанный Венским кружком, и сделал этот текст понятным и известным мировому философскому сообществу как концепция Витгенштейна¹⁶.

¹⁶ Сошлемся на мнение Рассела о рукописи Витгенштейна «Bemerkungen»: «Теории, содержащиеся в этой новой работе Витгенштейна, обладают новизной, очень оригинальны и, несомненно, важны. Истинны ли они, этого я не знаю. Как логик, который любит простоту, я хотел бы пожелать, чтобы они не были таковыми, но из того, что я прочитал, я с полной уверенностью могу сказать, что он должен иметь возможность для их разработки, поскольку в случае завершения вполне может оказаться (курсив мой. — О. Н.), что они составляют целую новую философию» (Цит. по: von Wright G. H. Wittgenstein. University of Minnesota Press, 1982. P. 26).